

С.Н. РУССОВА
(Берлин)

НАБОКОВСКИЙ БЕРЛИН

У каждого города, как и у каждого человека, – своя история. Берлин вместе с землёй Бранденбург «несут крест» пограничных мест. А это значит – во все времена – особое пространство, в отличие от других германских земель оказывающееся лицом к лицу к другим народам и дающее приют «изгнанникам, скитальцам и поэтам».

Население здесь всегда было разнородным по национальному составу. Стремясь сформировать имидж толерантного государства, прусские короли охотно предоставляли на территории Берлина и Потсдама убежище всякого рода эмигрантам, притесняемым по национальным или религиозным вопросам в своих странах. Так в Германию Гогенцоллернов попали в 1685 году 20 000 французских гугенотов, гонимых королём Людовиком XIV [1]. Их число в то время составило 20% от всего населения Берлина. Примерно с 16-го века в городах Германии обосновались еврейские общины. А вот первые турки попали сюда в качестве «подарка». «Солдатский король» Фридрих Вильгельм I получил от курляндского герцога 20 исламских солдат, высоких и крепких. Для того, чтобы brave солдаты не чувствовали себя ущемлёнными в религиозных правах, была построена и мечеть [2]. Так была организована первая исламская община. Полноправными гражданами здесь стали голландцы, строители и ремесленники, приглашённые Фридрихом Вильгельмом I в 1738 г. Чешские ткачи, вынужденные из-за принадлежности к протестантизму, преследуемому Марией Терезией, бежать из Богемии, поселились в окрестностях Берлина с 1751 г.

Естественно, что и религиозные интересы всех этих групп населения должны были быть учтены. По переписи 1888 года, в городе существовали 71 евангелическая церковь, 10 синагог, 8 католических церквей. А палитра религиозных взглядов была куда разнообразней: протестанты (их было более всего), лютеране, католики, иезуиты, менониты, баптисты, англикане, методисты, прихожане греческой православной церкви [3] и т.д. и т.п. Разумеется, в реальной жизни далеко было до «розовой» картины всеобщего братства и

терпимости. Толерантность, свобода высказывания – как и любое другое явление имеет две стороны. Так уже с середины 19 века в Германии беспрепятственно существовали партии с определённым антисемитским уклоном («Christlich soziale Arbeiterpartei», «Christlich soziale Partei»), объединения типа «Лиги немецких антисемитов» или «Союза немецких антисемитов». В берлинском Рейхстаге в 1893 году заседали 18 депутатов-антисемитов. Свободно печаталось огромное количество литературы, проповедовавшей расовые теории. Вал её возрос после 1-й мировой войны, когда в поражении Германии были объявлены виноватыми именно евреи. Так что, в программе гитлеровской национал-социалистической партии с 1920 года значилась определённая задача «добиться того, чтобы удалить из Германии всех до последнего еврея».

Конечно, в разное время русские путешественники, очарованные «сумрачным германским гением», жили в Берлине по самым разнообразным адресам. Но после октябрьской революции эмигранты основали здесь настоящую русскую колонию, увеличившуюся в двадцатые годы XX века с 2 764 до 360 000 человек. 20-е – нач.30-х гг. стали настоящим бумом для немецкой культуры, благодаря, прежде всего, обилию русских талантов, наводнивших Берлин [4]. Здесь жили Андрей Белый, Николай Бердяев, Алексей Ремизов, Владислав Ходасевич, Саша Чёрный, Владимир Набоков, Марина Цветаева, часто приезжали Максим Горький, Виктор Шкловский, Владимир Маяковский, Сергей Есенин...

Приявший изгнанников город стал, по выражению Владислава Ходасевича, «мачехой городов русских», со всеми вытекающими отсюда смыслами. Журналисты, врачи, служащие, офицеры, банкиры, художники, политики, философы и писатели, бежавшие из советской России, воссоздавали своеобразный русский микрокосмос, не смешивающийся с соседствующим немецким. Они организовывали здесь всё, к чему привыкли в русской жизни: театр («Голубая птица»), газеты («Руль», «Дни», «Накануне», «Вперёд»), журналы («Сполохи», «Жар-птица»), издательства (число доходило в некоторые годы до 90), десятки разнообразных комитетов (от организации помощи в образовании русских детей за границей до организации финансовой помощи русским художникам), проводили время между поисками работы и очередным посещением отдела визовых регист-

раций в спорах о политике и поэзии в разнообразных кафе (Nollendorfpfatz, Prager Platz, Kurfürstenstraße 75). А селились, в основном, в районе Шарлоттенбург, получившем своё имя в честь Софии Шарлотты, супруги курфюрста Фридриха III, впоследствии короля Фридриха I, после смерти королевы в 1705 г. ставшим одним из районов Берлина.

Во времена кайзеровской империи в этих местах образовалась обширная колония вилл. Сначала здесь жили, в основном, семьи знатных и богатых людей. Особенное значение для района сыграла постройка знаменитой улицы Курфюрстендам (Kurfürstendamm). Она протянулась по западному Берлину на 3,5 километра. Чрезвычайно представительный, солидный, широкий (53 метра) проспект, когда-то бывший всего лишь конной дорогой для короля и его семьи в Охотничий замок в Грюневальде, разрастаясь, стал привлекательным для бизнесменов и художников.

Время расцвета Шарлоттенбурга пришлось на «золотые двадцатые» годы XX века. Буквально, бесчисленное количество всевозможных увеселительных заведений – театров, кафе, кино, баров, кабаре, ревю, варьете – зазывали посетителей. К сожалению, несмотря на свободную культурную и общественную жизнь импозантного Курфюрстендама, объективную красоту и толерантность Берлина, русские эмигранты относились ко всему этому чрезвычайно предрешённо.

Примером такого демонстративного нежелания интегрироваться в общество «берлинских туземцев» может служить судьба Владимира Набокова, одного из организаторов, как тогда говорили, «С.-Петербурга на Виттенбергплац» или «Москвы на Шпрее», с задором вспоминавшего, что «за 15 лет жизни в Германии не познакомился близко ни с одним немцем, не прочёл ни одной газеты или книги и никогда не чувствовал ни малейшего неудобства от незнания немецкого языка» [5]. Но, впрочем, для такой нелюбви к принявшему его городу были и некоторые основания.

Семья Набоковых эмигрировала в 1919 г. из Крыма – сначала в Константинополь, потом в Лондон. Затем разделились: старшие юноши – Владимир и Сергей – учились в Кембридже, остальные жили в Берлине в самых престижных районах (с авг. 1920 г. – Эгерштрассе 1, Грюневальд, в доме Рафаила Лёвенфельда, переводчика

Тургенева и Толстого; с сент. 1921 г. – Зексшештрассе 67, Вильмерсдорф) [6]. 28 марта 1922 г. в филармонии в Кройцберге от пули террористов, предназначавшейся П. Милюкову, погиб отец Набокова (он похоронен на русском кладбище в Тегеле). Будущий писатель после пасхальных каникул закончил учёбу в Кембридже, вернулся к семье в Берлин и в 23 года стал старшим мужчиной в семье.

Так, с убийства отца, почитаемого как божество, встретились Набоков и Берлин. Убийцы – Таборицкий и Шабельский-Борн, приговорённые к 14 и 12 годам лишения свободы, уже в 1927 году были досрочно освобождены. Таборицкий в 1936 г. занял очень важный пост, он стал секретарём генерала Василия Бискутского, главы представительства русской эмиграции, фактически – оказался вершителем судеб.

В следующие 15 лет в Берлине в жизни Набокова произошли все самые главные события: пришла литературная известность, здесь были напечатаны все его романы и пьесы на русском языке, 2 сборника стихотворений. Здесь встретил он свою будущую жену – Веру Евсеевну Слоним, с которой прожил до самой своей смерти. Здесь родился его единственный ребёнок – сын Дмитрий.

Но, несмотря на то, что это был самый плодотворный период в жизни Сирина-Набокова, материальных благ это не приносило. Чем он зарабатывал на жизнь? Тем же, чем и остальные эмигранты:

- давал уроки тенниса и бокса,
- уроки английского и французского языков (1 марка в час = 5 €),
- уроки русского произношения,
- составлял кроссворды и шахматные задачи для газеты,
- писал самоучитель по русскому языку с текстами вроде следующих: «Он мой директор. Где твой директор? Мой директор там. Твой профессор – аристократ. Мой декан – патриот» [7],
- работал на фруктовых плантациях на юге Франции,
- статистом на киносъёмках (10 марок в день = 50 €, а жизнь в пансионе, 1 комната с едой в день стоила 4 марки, т.е. 20 €).

Правда, с некоторых работ он уходил сам. Так, осенью 1922 г. он обручился с 17-летней Светланой Сиверт. Родители невесты дали согласие при условии, что Владимир Набоков найдёт работу. Владимир со своим братом Сергеем действительно нашли работу в Бер-

линер Банк. Сергей ушёл оттуда через неделю, Владимир – через три часа. Так расстроилась его помолвка.

Литературные же гонорары были очень низкими: за книгу – 200-400 марок (соответственно 1000-2000 €). Один единственный раз он получил в немецком издательстве Ulstein 7500 марок за роман «Король, дама, валет».

Жить Набокову с женой и маленьким сыном приходилось теперь в пансионах (Лютерштрассе 21, Траутенауштрассе 9, Люитпольдштрассе 13, Мотцштрассе 31, Пассауерштрассе 12, Вестфелишештрассе 29, Несторштрассе 22 – это последний адрес Набоковых, здесь в 1999 г. установлена памятная доска), снимая 1-2 комнаты.

Несмотря на еврейское происхождение, Вера Набокова работала переводчицей и экскурсоводом на постоянной работе с 1928 г. во французском посольстве в Тиргартене, а с 1930 г. – секретарём в канцелярии адвоката, в её обязанности входили стенография, переводы на немецкий с французского и английского языков, ведение корреспонденции. Она потеряла эту работу в марте 1933 г., когда нацисты разгромили канцелярию. После рождения сына, в 1936 г. Вера Набокова нашла ещё раз работу в инженерном бюро в Шарлоттенбурге и через 3 месяца окончательно осталась без работы из-за нацистских чисток «лиц неарийского происхождения».

В конце концов, 18 янв. 1937 г. после бесплодной борьбы с нищетой, начавшихся преследований евреев и – как последняя капля – Таборицкий на службе у гестапо, выдающий «арийские свидетельства», получив 250 долларов от родственников по отцовской линии (немецкой семьи Граун, знаменитой, в частности, тем, что один из её членов – Карл Генрих, придворный капельмейстер Фридриха II, в 1742 г. на открытии Оперы на Унтер ден Линден представил своё оперное сочинение «Клеопатра и Цезарь»), – Набоков уехал на чтение своих лекций в Брюссель, Париж и Лондон с намерением более не возвращаться. 6 мая в Праге к нему присоединились жена с сыном. В Берлин, в Германию они не приезжали больше никогда.

Пытаясь определить творческое кредо Владимира Набокова, И. Толстой писал о нём: «Для него не было ничего выше литературы: ни религия, ни мораль, ни добро не представляли в его случае никакой самостоятельной ценности. Литература вбирала всё без остатка, являя целый, завершённый мир с полным набором координат, бес-

крайним пространством и бесконечным временем. С миром реальным литературный мир Набокова соприкасался лишь в той точке, где требовалось рукопись продать» [8]. Думается, что сказанное верно только отчасти, так как реальные детали берлинской жизни самого писателя и других русских эмигрантов рассыпаны по многим его произведениям. Примером может служить стихотворение «Берлинская весна», кстати, единственное, где Берлин прямо поименован:

Нищетою необычной На чужбине дорожу. Утром в ратуше кирпичной За конторкой не сижусь.	Утром он наполовину Открывать окно привык, Чтобы высунуть перину, Как малиновый язык.
Где я только не шатаюсь В пустоте весенних дней! И к подруге возвращаюсь Всё позднее и позднее.	Утром музыкант бродячий Двор наполнит до краёв При участии горячей Суматохи воробьёв.
В полумраке стул задену И, нащупывая свет, Так растапаюсь, что в стену Стукнет яростно сосед.	Понимают, слава Богу, Что всему я предпочту Дикую мою дорогу, Золотую нищету.

1925

Этих деталей так много, что можно говорить о «берлинском тексте» Набокова, корреспондирующим с его «петербургским текстом» [9] и выступающим в оппозиции «своего – чужого» в качестве характеристики чужого пространства.

Весь топос набоковского Петербурга – это сакральный хронотоп, где грёза, мираж, ирреальное пространство потерянных «рая», «сказки», «чуда» соотносятся с сакральным временем Рождества и Пасхи. Коды петербургского текста Набокова – ландшафты, климатически-метеорологические условия, реалии культуры – вписываются в кросспетербургский словарь. Следует учесть однако, что Набоков «играет» с кросспетербургским текстом, в котором топос Петербурга противопоставляется и сопоставляется с топосом Москвы по принципу «чужого европейского» и «интимного своего», так как для

него Петербург – «свой» именно потому, что он «нерусский». Берлин же оставался для Набокова чужим, чуждым и нелюбимым ещё и потому, что не был Петербургом. Он был остановкой на пути изгнанника, весь топос которой являлся профанным по отношению к сакральному пространству Петербурга. Набоков скрупулёзно, с лупой, саркастически-серьёзно исследовал его как неизвестный энтомологии вид гусеницы, из которой никогда не «выкуклится» бабочка.

«Грубо реальный», «натуралистический» портрет Берлина создавался целой системой приёмов. Среди них – реальные берлинские адреса: Курфюрстендам, Цоо (знаменитый Зоологический сад), аптека на углу Потсдамер и Приватштрассе с механической рекламой мыла и бритвы, лекционный зал в Кройцберге, где был убит отец Набокова, адрес дантиста, причинившего в детстве «неприличную» боль – Ин ден Цельтен 18 А, Грюневальд, Фербеллинерплатц (где были высажены анютины глазки, напоминавшие Набокову и его маленькому сыну своей «кляксой» «толпу беснующихся на ветру маленьких гитлеров» [10]), Винтергартен, Шарлоттенбург, Павлиний остров, Ангальтский вокзал, вокзал на Фридрихштрассе, Тауенциштрассе, Шварцвальд. Реалии быта: Полицейское управление, Финансовое управление, эмигрантские газеты («Руль»), литературные вечера, экскурсии за город, русские рестораны («Pir gogoj»), пансионы, магазины, балы, монархические собрания, русский кинематограф.

Если «воздушному», «призрачному» Петербургу у Набокова изоморфны сияние, сверкание, серебристый и золотистый цвета, детский смех, восторг, величавость, изобилие, теплота и праздничность, то «приземлённому», «чересчур реальному», «слишком материальному», ненавистному [11] Берлину в рассказах, романах, мемуарах писателя соответствуют будничность, сумеречность, бледность, тусклость, сырость, холод, отсутствие тайны, из цветов – чёрный, белый, серый, тускло-оливковый, тускло-коричневый, нищета, каторжный труд, усталость, скука, неопрятность, грубая пища, примитивность, безвкусице, скудность, скупость, аляповатость, агрессивность и милитаризм.

Воспоминания о Петербурге у Набокова, о прошлом, счастливом и трагическом, гадание о будущем – коннотативно связаны с эски-

стенциальными состояниями лёгкости, радости, счастья или переживаниями трагедии, разлома, крушения, катастрофы, потери «рая». Пространство же Берлина связывается всегда только с потерями, кражей, обманом, плагиатом, изменами, насилием, ощущением униженности и отвращением.

В счёте, предъявляемом Берлину, сочетаются разновеликие детали. Так, к примеру, в «Других берегах» писатель упоминает о раскраденной отцовской библиотеке, следы которой были обнаружены им на уличных лотках в Берлине, здесь же была им самим потеряна трость из прадедовской коллекции. Тут же он не упустил случая «пройтись» по своим дальним и хорошо обеспеченным немецким родственникам, судившимся из-за набоковского наследства в то время, как он, бедствуя, скитался из пансиона в пансион [12].

Физическое отвращение вызывает описание «серых бутербродов», которые жуют немецкие рабочие, «пудовых шуток» обывателей, сцены отдыха немецких бюргеров возле Грюневальдского озера: «Сероногие женщины в исподнем белье сидели на жирном сером песке, мужчины одетые в грязные от ила купальные трусики, гонялись друг за другом» [13], нечистоплотность пансионеров: «Эта ванна была вся снутри облеплена хозяйскими волосами, сверху на верёвке зловонно сохли безымянные тряпки, а рядом у стены стоял старый, пыльный, поржавевший велосипед» [14].

Сфера немецкой культуры также для Набокова являлась воплощением примитива и вторичности. Так, он отмечает вошедшие в моду военную музыку, «ремесленную» поэзию, «бесталанное» искусство карикатуры и даже в любимой им энтомологии отказывает немецким учёным в приоритетах, отмечая их консерватизм, устаревшие взгляды и заботу о материальной выгоде: «Немцы силились не замечать новых течений и продолжали снижать энтомологию едва ли не до уровня филателии» [15].

Сарказм писателя нашёл выход в коротком рассказе «Путеводитель по Берлину», написанном в декабре 1925 года. Рассказ состоит из пяти частей, вполне описывающих «чужой» мир: 1 ч. – Трубы; 2 ч. – Трамваи; 3 ч. – Работы; 4 ч. – Эдем; 5 ч. – Пивная. Среди мотивов, проходящих через весь текст, отметим оппозицию «звериное – человеческое». Собственно, к «человеческому» относятся лишь образ рассказчика и «белокурого ребёнка», в будущем воспомина-

нии которого должно сохраниться рассказанное. Всё остальное, с одной стороны, имеет вполне реальные черты жизни Берлина, что дало возможность немецкому литературоведу Дитеру Циммеру прочитать рассказ как документальный текст и проиллюстрировать его чёрно-белыми фотографиями 20-х гг. XX века. С другой стороны, всё описываемое в рассказе подчёркивает звериную сущность окружающего, что даёт возможность воспринимать образ города как некоего наводящего ужас монстра. Основными его характеристиками становятся «железность» (трубы, трамваи, рельсы, монеты, пуговицы мундира, чугунные молоты, почтовые ящики, решётки клеток), «агрессивность» (жёсткие грубые руки трамвайного кондуктора, грубые пальцы, тряска трамвая, дребезжание фургона, резкие звуки уличных работ, резкие движения, клетки Зоологического сада, «жерла» труб, «бомба» лиственницы, вагонная «корма», морские звёзды о пяти концах, даже черепаха напоминает «гугнивого кретина, которого вяло рвёт безобразной речью») и «примитивность» (интересы только физиологического характера – пивная, бутылки; пекарь «ангельского» вида; грузчики, переносящие мясные туши; убогая, неопрятного вида еда; бильярд; газеты; отсутствие индивидуальности: имя «Отто» с симметрично расположенными буквами, подходящее к трубе с её двумя отверстиями; сексуальные аллюзии: «есть что-то вроде покорного ожидания самки в том, как второй вагон ждёт, чтобы первый, мужеский, кидая вверх лёгкое трескучее пламя, снова подкатился бы, прицепился»).

Не последнюю роль в отторжении Берлина для Набокова играла и специфичность берлинского пространства: «чужое» на границе со «своим», ставшим «чужим», проникновение сюда реалий советской жизни – газет и журналов, советских чиновников, свободно преодолевавших границы, закрытые для эмигрантов, а также толпы бывших соотечественников, наводнивших город и вполне освоившихся в этом пространстве. Всё это опошляло пафос изгнанничества, создавало видимость прежней жизни и прежней культуры, в прямом смысле – «Москвы» на Шпрее. Потому через романы «Защита Лужина» и «Подвиг» и проходит вполне чеховский лейтмотив – «В Берлин! В Берлин!», что Берлин для Набокова ассоциируется с топосом Москвы, чуждым топосу Петербурга: «Но, пожалуй, самым неожиданным в этом новом, широко расползавшемся Берлине, та-

ком тихом, деревенском, растяпистом по сравнению с гремящим, тесным и нарядным городом Мартынова детства, – самым неожиданным в нём была та развязная, громкоголосая Россия, которая тараторила повсюду – в трамваях, на углах, в магазинах, на балконах домов» [16].

И более того. Распознавание в «чужом» – «своего чужого», тенденции к тоталитаризму [17], позволило Набокову их отождествить, и, отождествив, отторгнуть: «Я, кстати, горжусь, что уже тогда, в моей туманной, но независимой юности, разглядел признаки того, что с такой страшной очевидностью выяснилось ныне, когда постепенно образовался некий семейный круг, связывающий представителей всех наций: jovиальных строителей империи на своих просеках среди джунглей; немецких мистиков и палачей; матёрых погромщиков из славян [...]» [18].

Несостоявшийся «роман» Набокова с Берлином закончился бесславно. Как, собственно, не состоялись «романы» и с другими городами и странами мира – Англией, Францией, Америкой. Добившись своего, славы и денег, в наконец спокойной и обеспеченной старости в Швейцарии, в маленьком курортном городке Монтрё, в фешенебельном отеле, где когда-то в начале 20-го века останавливалась семья русского царя, и где он провёл последние 16 лет своей жизни, став единственным из русских авторов, принадлежавших всему миру, а не одной национальности или одному языку, – он не переставал терзаться, мучился в снах только одним Градом, Китежем, потерянным Эдемом – Петербургом.

Его путём – из Берлина всё дальше на запад – во Францию, Америку, Канаду – прошли тысячи эмигрантов. Первая волна русской эмиграции схлынула, оставив после себя легенды и фотографии в старых газетах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Stas M.* Kleinböhmen in Potsdam – die Weberkolonie Nowawes // Potsdamer Ge(h)schichte – Berlin-Brandenburg, 2007. – S. 64.
2. *Winkel C., Kunow T.* Eine Allee des Prunkes // Ibid. – S. 34.
3. *Wietzorek P.* Das historische Berlin. – Petersberg, 2006. – S.33.
4. *Urban T.* Russischer Mikrokosmos am NEPski-Prospekt // Urban T. Russische Schriftsteller im Berlin der zwanziger Jahre. – Berlin, 2003. – S. 9-21.

5. *Набоков В.* Другие берега. – М, 1989. – С.135.
6. *Zimmer D.* Chronik der Berliner Jahre // *Zimmer D.* Nabokovs Berlin. – Berlin, 2001. – S.144-152.
7. *Zimmer D.* Lebensunterhalt // Там же. – S.134 –135.
- 8/ *Толстой И.* Несколько слов о «главном герое» Набокова // *Набоков В.В.* Лекции по русской литературе. – М., 1998. – С.7.
9. *Руссова С.* Автор и лирический текст. – М., 2005. – С.226-235.
10. *Набоков В.* Другие берега. – С.147.
11. Там же. – С.54.
12. Там же. – С.37.
13. Там же. – С. 146.
14. Там же. – С. 222.
15. Там же. – С. 73.
16. *Набоков В.* Подвиг // Там же. – С.221.
17. См. рассказ В.Набокова «Облако, озеро, башня».
18. *Набоков В.* Другие берега. – С.129.